

ТРАНСЛЯТИВ

К ОНТОЛОГИИ БЕСФОРМЕННОСТИ

АНАТОЛИЙ ТЕМНИКОВ

Анатолий Темников

**Транслятив. К онтологии
бесформенности**

«Автор»

2026

Темников А. А.

Транслятив. К онтологии бесформенности / А. А. Темников —
«Автор», 2026

Реальность не одна. То, что мы называем миром - одна из бесконечного множества вариаций, произведённых аппаратом восприятия. Мы не наблюдатели. Мы и есть то, что производит наблюдаемое - и принимает его за внешнее. «Транслятив» - философский трактат, вводящий три понятия: Потокость, Транслятив и Застыв. С их помощью автор проходит через западную философию от Платона до Чорана и через современную науку: квантовую механику, математику, нейробиологию. Семнадцать мыслителей, шесть научных областей, один вывод: мы никогда не имели дела с реальностью. Мы имели дело с настройками аппарата, который её наблюдает, не зная, что он аппарат. Книга описывает режим, в котором ни одна вариация не становится окончательной. Не чтобы найти последний ответ. Чтобы увидеть зазор, который всегда был.

© Темников А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предуведомление	5
Аннотация	6
Глава 1. Имена	7
1.1. Потокость: отрицательные определения	7
1.2. Транслятив: положительное определение и операциональные свойства	10
1.3. Застыв: определение и генеалогия ошибки	12
Глава 2. Застывы	14
2.1. Принцип чтения	14
2.2. Платон: Застыв на эйдосе	15
2.3. Декарт: Застыв на cogito	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анатолий Темников

Транслятив. К онтологии бесформенности

Предуведомление

ТРАНСЛЯТИВ
К ОНТОЛОГИИ БЕСФОРМЕННОСТИ
Темников А.А.

Аннотация

Настоящий трактат вводит в философский обиход три связанных понятия: Потокость, Транслятив и Застыв. Потокость есть бесформенное, которое остаётся бесформенным при любом контакте. Всякая встреча с ней есть не раскрытие, а извлечение: аппарат восприятия производит вариацию, которая принадлежит аппарату, а не Потокости. Транслятив есть режим взаимодействия, при котором удерживается множество вариаций без фиксации на одной. Застыв есть остановка Транслятива, при которой одна извлечённая вариация принимается за всю Потокость.

Вопреки традиции, полагающей, что реальность может быть описана как таковая, в трактате показано, что всякое описание реальности есть описание настройки восприятия, принятой за реальность. Философия от Платона до Чорана, наука от Ньютона до квантовой механики - все они описывают не мир, а аппарат, через который мир был увиден. Разница между ними не в близости к истине, а в разрешающей способности аппарата.

Потокость не есть Ничто. Ничто есть Потокость, увиденная через настройку, которая не захватывает сигнал. Нигилизм есть не конец пути, а Застыв на одной из возможных вариаций. Настоящий трактат предлагает не новую истину, а метод: Транслятив как способ удерживать вариативность, не соскальзывая в фиксацию. Настоящий трактат не предлагает спасения. Он предлагает метод. Метод не делает мир понятным. Он делает видимым то, что принималось за понятность.

Глава 1. Имена

1.1. Потокость: отрицательные определения

Настоящий трактат вводит в философский обиход три связанных понятия: Потокость, Транслятив и Застыв. Они не описывают разные сущности. Они описывают три аспекта одного и того же - взаимодействия бесформенного с тем, что способно извлекать из него вариации. Первое и фундаментальное среди них - Потокость. Всякое определение Потокости через положительные термины будет ложным, потому что положительный термин фиксирует вариацию, а Потокость есть то, что остаётся бесформенным при любой фиксации. Поэтому настоящий параграф определяет Потокость через то, чем она не является. Пять отрицаний, собранные вместе, очерчивают границу, за которой начинается её положительное описание - не как сущности, а как условия.

Первое. Потокость не есть Ничто. Ничто есть отсутствие. Потокость есть присутствие - но присутствие без формы. Разница между отсутствием и присутствием без формы есть разница между тишиной и звуком, на который не настроено ухо. Тишина есть отсутствие колебаний. Неслышимый звук есть колебания, которые не захватываются слуховым аппаратом. Нигилист принимает неслышимое за отсутствие и называет его Ничто. Он ошибается не в восприятии - его аппарат действительно не регистрирует сигнал. Он ошибается в выводе: из «мой аппарат не регистрирует» не следует «сигнала нет». Следует «аппарат ограничен». Нигилист есть наблюдатель, чья настройка не захватывает Потокость. Он принимает молчание своего аппарата за молчание мира. Он не знает, что мир не говорит и не молчит. Мир течёт. Молчание есть имя, которое нигилист даёт течению, когда его аппарат не может перевести течение в слышимый сигнал. Потокость не есть Ничто. Ничто есть Потокость, встреченная аппаратом, который не извлёк ни одной вариации.

Второе. Потокость не есть Бытие. Бытие, от Парменида до Хайдеггера, есть то, что есть. Бытие всегда уже оформлено - хотя бы как «то, что есть». Даже самое абстрактное бытие несёт на себе печать формы: оно есть, и это «есть» уже есть определение. Потокость не есть. Она не не-есть. Она до любого «есть» и до любого «нет». Она не подчиняется глаголу «быть», потому что глагол «быть» есть первый и самый фундаментальный аппарат, который производит вариацию - вариацию существования. Парменид сказал: «Бытие есть, небытия нет». Настоящий трактат отвечает: бытие есть вторичное. Оно есть продукт аппарата, который извлёк из Потокости вариацию существования и назвал её единственной реальностью. Первична Потокость, которая не есть и не не-есть. Она не есть сущее. Она не есть бытийствующее. Она - то, из чего аппарат «бытия» извлекает вариацию «существование». Бытие есть Застыв Потокости в самом общем из возможных аппаратов. Вся онтология есть описание этого Застыва.

Третье. Потокость не есть Материя. Материя есть то, что имеет свойства - массу, протяжённость, заряд. Свойства суть вариации, извлечённые аппаратом физического восприятия. Потокость не имеет свойств. Она невещественна не в смысле духовности, а в смысле отсутствия фиксированных характеристик до акта извлечения. Материя есть Потокость, прошедшая через аппарат физики и принявшая вариацию вещества. Квантовая механика, описывая частицу как суперпозицию состояний до измерения, описывает не поведение материи. Она описывает момент, когда Потокость ещё не стала материей в аппарате наблюдателя - и ещё может стать любой из допустимых вариаций. Волновая функция есть математическое описание Потокости до извлечения. Коллапс волновой функции есть акт извлечения - момент, когда аппарат производит из Потокости конкретную вариацию. Материя есть не то, из чего состоит

мир. Материя есть то, чем Потокость оказывается в аппарате, настроенном на массу, заряд и спин. Другой аппарат извлёк бы из той же Потокости другую вариацию - и назвал бы её иначе.

Четвёртое. Потокость не есть Сознание. Сознание есть аппарат, который извлекает вариации - в том числе вариацию самого себя. Потокость не извлекает. Она не рефлексивна. Она не имеет интенциональности. Она не направлена ни на что. Сознание есть одна из вариаций, которую Потокость производит при встрече с аппаратом определённого типа - биологическим мозгом. Приписывать Потокости свойства сознания значит совершать Застыв: принимать вариацию, извлечённую мозгом, за свойство среды, из которой мозг её извлёк. Потокость не мыслит. Она не чувствует. Она не осознаёт. Она не является субъектом. Она является тем, из чего субъект может быть извлечён как вариация. Сознание есть водоворот в Потокости - не сама Потокость. Философия сознания, от Декарта до Гуссерля, описывала не природу сознания. Она описывала устройство аппарата, который извлекает из Потокости вариацию «я». Cogito есть не доказательство существования. Cogito есть имя, которое аппарат даёт вариации, извлечённой им из Потокости и принятой за самого себя.

Пятое. Потокость не есть сакральное. Сакральное, от храмовых мистерий до теологических трактатов, есть предельная вариация - вариация последней реальности, источника смысла, точки сборки всего. Потокость не есть источник смысла. Она не упорядочивает. Она не является причиной в смысле первопричины. Она есть среда, в которой вариации возникают, когда находится аппарат, способный извлечь их. Утверждать, что Потокость есть сакральное, значит совершать Застыв: принимать одну из извлечённых вариаций за саму среду.

Однако из этого не следует, что операция извлечения сакрального из Потокости чем-то отличается от операции извлечения электрона. Не следует. И мистик, и физик стоят перед одним и тем же. Оба имеют дело с Потокостью. Оба располагают аппаратом, который позволяет извлечь из Потокости вариацию и описать её. Оба описывают не Потокость, а вариацию, которую произвёл их аппарат. Разница не в объекте. Разница не в операции. Разница в разрешающей способности аппарата.

Мистик описывает Потокость через образы сакрального. Его мозг обучен на этих паттернах. Он не может извлечь из Потокости волновую функцию - не потому что Потокость отказывает ему в этом, а потому что его аппарат визуализации не содержит соответствующих шаблонов. Он извлекает ту вариацию, которую способен извлечь. Он называет её Богом, духом, абсолютом. Его описание может быть сколь угодно богатым в пределах его словаря. Но его аппарат не позволяет предсказывать. Он не позволяет воспроизводить. Он не позволяет транслировать Потокость в вариации, пригодные для инструментального использования. Однако он фиксирует ту же несостыковку - зазор между извлечённым и тем, что осталось неизвлечённым. Мистик знает, что за явленным стоит неявленное. Он описывает это неявленное как сакральное. Физик описывает его как квантовое поле. Оба описывают Потокость. Разница - в разрешении аппарата.

Физик располагает аппаратом визуализации, который культивировался столетиями. Математический анализ, теория вероятностей, дифференциальные уравнения, экспериментальный метод, приборная база - всё это паттерны, которых нет у мистика. Мозг физика обучен на них. Когда физик взаимодействует с Потокостью, он извлекает из неё не сакральное, а уравнения. Уравнения работают - они предсказывают. Приборы работают - они воспроизводят. Но операция та же: аппарат, извлекающий вариацию из бесформенного. Физик не ближе к Потокости, чем мистик. У него более плотная сетка паттернов. Его вариации богаче. Его трансляция точнее. Но он не вышел за пределы трансляции. Он не увидел Потокость как она есть - потому что увидеть её как она есть нельзя. Можно только извлекать вариации. И качество извлечения зависит от количества и сложности паттернов, которыми располагает аппарат.

Обыденное сознание объявляет мистика бредящим, а физика - знающим. Это различие социальное, а не онтологическое. Оно описывает не близость к Потокости, а разрешение аппа-

рата. Аппарат физика богаче. Но оба аппарата извлекают вариации, а не саму Потокость. Оба описывают не среду, а то, что среда произвела при контакте с данным аппаратом. Разница в разрешении есть разница в количестве паттернов визуализации, которые мозг наблюдателя способен активировать при встрече с бесформенным.

Отсюда следует, что Потокость не есть сакральное - но не есть и электрон. И сакральное, и электрон суть вариации, извлечённые из Потокости разными аппаратами. Ни одна из них не является последней. Ни одна не исчерпывает среду. Потокость остаётся тем, что может быть извлечено и как сакральное, и как электрон, и как бесконечное множество других вариаций, для которых у нас пока нет ни паттернов, ни слов, ни приборов.

Пять отрицаний - не Ничто, не Бытие, не Материя, не Сознание, не сакральное - очерчивают Потокость как то, что остаётся, когда убраны все извлечённые вариации. Это не определение. Это расчистка места для определения. Потокость не может быть схвачена напрямую - не потому, что она далеко, а потому, что схватывание есть извлечение вариации, а вариация есть то, чем Потокость не является. Всякая попытка сказать, что такое Потокость, превращает её в Застыв. Поэтому единственный способ говорить о Потокости - говорить о том, как она взаимодействует с аппаратами, извлекающими из неё вариации. Это взаимодействие и есть Транслятив. Ему посвящён следующий параграф.

1.2. Транслятив: положительное определение и операциональные свойства

Если Потокость есть то, что остаётся бесформенным при любом контакте, то Транслятив есть способ этого контакта. Не единственный возможный - но единственный, при котором аппарат не принимает извлечённую вариацию за всю Потокость. Транслятив не есть свойство Потокости. Транслятив есть режим работы аппарата.

Определение. Транслятив есть режим взаимодействия аппарата с Потокостью, при котором аппарат удерживает одновременно множество извлечённых вариаций, не фиксируясь ни на одной как на окончательной. Аппарат в Транслятиве не спрашивает: «Что это?» Он спрашивает: «Что ещё это может быть?» И затем: «Что ещё?» И затем снова. Бесконечность перебора не является дефектом. Бесконечность перебора является методом.

Транслятив не производит истину. Истина есть одна вариация, объявленная последней. Транслятив производит вариативность - пространство, в котором истины возможны как временные остановки, но ни одна не становится финальной. Истина в Транслятиве есть не точка прибытия, а точка старта для следующего вопроса. Она не отбрасывается. Она удерживается - вместе с другими истинами, которые противоречат ей, дополняют её или лежат в стороне от неё. Противоречие в Транслятиве не является проблемой. Противоречие есть указание на то, что аппарат извлёк две вариации, которые не сводятся друг к другу. Аппарат не пытается выбрать. Аппарат удерживает обе.

Транслятив не есть скептицизм. Скептик говорит: «Ни одна вариация не верна». Транслятив говорит: «Все вариации верны - для того аппарата, который их извлёк, и ни одна не верна - для Потокости, которая осталась бесформенной». Скептицизм есть отказ от извлечения. Транслятив есть продолжение извлечения без присвоения извлечённому статуса последней реальности. Скептик останавливает аппарат, потому что не видит критерия выбора. Транслятив не ищет критерия выбора. Ему не нужно выбирать.

Транслятив не есть релятивизм. Релятивист говорит: «Все вариации равноценны». Транслятив говорит: «Все вариации извлечены разными аппаратами, и разница между аппаратами может быть описана - в терминах разрешения, плотности паттернов, предсказательной силы». Релятивизм отказывается от сравнения. Транслятив сравнивает - но не для того, чтобы выбрать лучшую вариацию, а для того, чтобы точнее описать аппарат, который её извлёк. Релятивист уравнивает. Транслятив различает - без привилегирования.

Транслятив не есть диалектика. Диалектика движется от тезиса через антитезис к синтезу. Синтез снимает противоречие и становится новой фиксацией. Диалектика есть машина Застывов: каждый синтез есть остановка, которая будет преодолена следующей остановкой. Гегель думал, что этот процесс ведёт к абсолютному знанию. Он вёл к Застыву на Абсолюте. Транслятив не производит синтез. Транслятив удерживает тезис и антитезис одновременно, не снимая противоречия. Ему не нужен третий термин. Ему достаточно двух - и указания на то, что оба извлечены из Потокости, которая не сводится ни к одному из них.

Операционально Транслятив обладает четырьмя свойствами.

Первое свойство: вариативность. Аппарат в Транслятиве не извлекает одну вариацию. Он извлекает множество - столько, сколько позволяют его паттерны. Затем он извлекает ещё - модифицируя паттерны, расширяя их, заимствуя у других аппаратов. Процесс не имеет естественного конца. Конец может быть только внешним - исчерпание энергии, смена задачи, смерть аппарата. Но внутри самого Транслятива нет критерия остановки. Потокость не говорит «достаточно». Аппарат не говорит «достаточно». Достаточность есть Застыв.

Второе свойство: удержание противоречия. Аппарат в Транслятиве способен удерживать две вариации, которые исключают друг друга, не пытаясь устранить одну из них. Это требует энергии. Противоречие создаёт напряжение. Обычный режим работы аппарата - снять напряжение, выбрав одну вариацию и подавив другую. Транслятив требует выдерживать напряжение, не разряжая его в выбор. Это труднее. Но только так аппарат остаётся открытым к Потокости, которая не знает противоречий - не потому что она гармонична, а потому что она до любого «да» и «нет».

Третье свойство: рефлексия аппарата. Аппарат в Транслятиве не только извлекает вариации из Потокости, но и отслеживает сам процесс извлечения. Он знает: то, что он извлёк, есть продукт его собственной настройки в той же мере, в какой это продукт Потокости. Он не приписывает вариацию только среде. Он не приписывает её только себе. Он удерживает зазор - пространство между аппаратом и Потокостью, в котором возникает вариация. Этот зазор и есть предмет Транслятива. Транслятив изучает не Потокость и не аппарат. Он изучает границу между ними.

Четвёртое свойство: незавершаемость. Транслятив не имеет цели. Он не идёт к истине. Он не идёт к Богу. Он не идёт к покою. Он идёт - и это «идёт» есть его единственное содержание. Всякая цель была бы Застывом: вариацией, объявленной последней. Транслятив не отрицает цели. Он делает их временными - остановками, которые аппарат использует для перегруппировки паттернов, прежде чем продолжить движение. Цель в Транслятиве есть не финиш. Цель есть ритм.

Теперь можно сформулировать отношение между Потокостью и Транслятивом. Потокость есть условие. Транслятив есть метод. Потокость не требует Транслятива - она не требует ничего. Транслятив не раскрывает Потокость - раскрытие предполагает, что в Потокости что-то спрятано и ждёт обнаружения. В Потокости ничего не спрятано. Она не скрывает. Она не прячет. Она просто есть - бесформенная. Транслятив есть способ аппарата существовать в присутствии бесформенного, не соскальзывая в Застыв.

Почему аппарат вообще способен работать в режиме Транслятива? Потому что он сам есть вариация, извлечённая из Потокости. Аппарат не вне Потокости. Он - часть того, с чем взаимодействует. Это не даёт ему привилегированного доступа. Но это даёт ему возможность менять собственную настройку - и через это извлекать новые вариации. Транслятив есть способ аппарата использовать свою принадлежность Потокости для взаимодействия с Потокостью. Он не наблюдает со стороны. Он участвует - и знает, что участвует.

Здесь проходит граница между Транслятивом и Застывом. Застыв есть остановка Транслятива - момент, когда аппарат принимает одну извлечённую вариацию за всю Потокость и перестаёт перебирать. Этому посвящён следующий параграф.

1.3. Застыв: определение и генеалогия ошибки

Застыв есть остановка Транслятива. Не временная - временная остановка есть ритм и принадлежит Транслятиву. Застыв есть остановка, принятая за завершение. Аппарат извлёк вариацию, объявил её последней и прекратил перебор. Он продолжает функционировать - но функционирует внутри одной вариации, которую отныне принимает за среду. Застыв не есть ошибка восприятия. Застыв есть ошибка остановки.

Застыв не является иллюзией. Иллюзия есть вариация, не соответствующая другим вариациям, извлечённым тем же аппаратом в других условиях. Иллюзию можно скорректировать - проверить, измерить, сравнить. Застыв не корректируется, потому что он не есть содержание вариации. Он есть статус, присвоенный вариации - статус последней. Можно проверить, верно ли вариация описывает Потокость. Нельзя проверить, является ли она последней - потому что «последность» не есть свойство вариации. «Последность» есть решение аппарата.

Застыв не является ложью. Ложь есть намеренное предъявление вариации, которая не была извлечена, а была сконструирована для введения в заблуждение. Застыв не конструирует. Он извлекает - честно, в соответствии с настройкой аппарата. Ошибка не в извлечении. Ошибка в том, что аппарат говорит: «Вот это - всё». Ложь есть искажение вариации. Застыв есть искажение статуса вариации. Лгать значит говорить: «Я извлёк X», хотя извлёк Y. Застывать значит говорить: «Я извлёк X, и X есть всё, что может быть извлечено». Первое - обман. Второе - остановка.

Застыв не является защитой. Защита, в смысле психоанализа или экзистенциализма, есть реакция на угрозу. Субъект защищается от того, что может его разрушить - от травмы, от ужаса, от Ничто. Застыв не реактивен. Он не отвечает на угрозу. Он предшествует угрозе - потому что именно Застыв создаёт то, что затем воспринимается как угроза. Чоран говорил: мы строим стены из верований, чтобы не видеть Ничто. Настоящий трактат говорит: Ничто само есть стена. Это не то, от чего защищаются. Это то, во что застывают. Застыв производит и крепость, и бездну за её стенами - потому что бездна за стенами есть вариация, извлечённая аппаратом, который уже остановился и теперь видит только одну полосу Потокости. Нигилист не боится Ничто. Нигилист застыл на Ничто и называет это бесстрашием.

Застыв имеет структуру. Она включает три элемента: извлечение, забывание, универсализацию.

Извлечение. Аппарат производит вариацию - форму, концепт, закон, образ. Это необходимый и нормальный акт. Без извлечения нет контакта с Потокостью. Транслятив тоже извлекает - множество вариаций. Разница не в извлечении. Разница в том, что происходит дальше.

Забывание. Аппарат забывает, что вариация извлечена. Он перестаёт отслеживать зазор между собой и Потокостью. Он начинает воспринимать вариацию как данность - как то, что было всегда, что существовало до извлечения, что принадлежит среде, а не аппарату. Это forgetting не психологическое. Это операциональное: аппарат теряет рефлексии границы. Граница между аппаратом и Потокостью исчезает. Остаётся вариация - и она заполняет всё поле.

Универсализация. Аппарат объявляет извлечённую вариацию единственной и всеобщей. Не «я извлёк это здесь и сейчас», а «это есть всегда и везде». Не «мой аппарат показал X», а «реальность есть X». Универсализация стирает не только границу, но и альтернативы. Другие вариации, которые могли бы быть извлечены, объявляются ложными, неполными или патологическими. Аппарат, извлёкший другую вариацию, объявляется сломанным - или врагом.

Три элемента - извлечение, забывание, универсализация - образуют Застыв как процесс. Это не событие. Это переход из одного режима в другой: из Транслятива в Застыв. Переход не требует внешнего толчка. Он происходит сам - потому что Транслятив энергозатратен, а Застыв экономит энергию. Удерживать множество вариаций труднее, чем удерживать

одну. Выдерживать противоречие труднее, чем выбрать. Рефлектировать границу труднее, чем забыть о ней. Застыв есть путь наименьшего сопротивления. Транслятив есть усилие.

Отсюда следует, что Застыв не есть редкая ошибка, случающаяся с некоторыми аппаратами в особых условиях. Застыв есть норма. Всякий аппарат, предоставленный себе, стремится к Застыву. Транслятив требует работы. Застыв требует только остановки. Остановиться легче, чем продолжать. Поэтому большинство аппаратов большую часть времени находятся в Застыве. Транслятив есть исключение - режим, в который аппарат входит волевым усилием и из которого он выпадает, как только усилие ослабевает.

Человеческий аппарат - мозг - не исключение. Он эволюционно настроен на Застыв. Выживание требует быстрых решений. Быстрое решение есть остановка перебора. Хищник не ждёт, пока жертва будет описана во всех возможных вариациях. Хищник извлекает одну - «опасность» - и действует. Мозг экономит энергию, фиксируя паттерны и не перебирая альтернативы. Застыв есть эволюционная стратегия, а не философская ошибка. Философия началась там, где мозг позволил себе роскошь перебора - и тут же испугался того, что увидел. Она начала строить системы - большие Застывы, которые защищали бы от необходимости продолжать перебор. Вся история философии есть история строительства Застывов и редких прорывов Транслятива, которые затем сами становились новыми Застывами. Этому посвящена вторая глава настоящего трактата.

Застыв не преодолевается одним усилием. Нельзя однажды войти в Транслятив и остаться в нём навсегда. Аппарат соскальзывает обратно - и должен возвращать себя к перебору снова и снова. Транслятив не есть состояние. Транслятив есть практика. Застыв не есть враг, которого можно победить. Застыв есть гравитация. Транслятив есть движение против гравитации - не отмена её, а временное преодоление.

Здесь завершается введение трёх имён. Потокость есть условие: бесформенное, остающееся бесформенным. Транслятив есть метод: удержание множества вариаций без фиксации. Застыв есть остановка: принятие одной вариации за всю Потокость. Три понятия образуют замкнутую систему. Из Потокости аппарат извлекает вариации. Если он удерживает их во множестве и продолжает перебор - он в Транслятиве. Если он останавливается на одной - он в Застыве. Система не имеет внешней точки опоры. Она не ссылается на авторитет. Она предъявляет себя как инструмент - и предлагает читателю проверить его в работе.

Проверка начинается со следующей главы. Если Потокость, Транслятив и Застыв суть не пустые слова, а работающие понятия, то они должны переписать историю мысли - не как накопление истин, а как последовательность Застывов и редких проблесков Транслятива. Вторая глава предпринимает это переописание.

Глава 2. Застывы

2.1. Принцип чтения

Настоящая глава не является историей философии. Она не преследует цель изложить учения в их полноте, контексте или развитии. Она преследует цель показать: то, что традиция принимала за описание реальности, было описанием вариации, извлечённой конкретным аппаратом и принятой за реальность. Каждый крупный философ построил Застыв. Каждый Застыв был принят последующими либо как фундамент, либо как препятствие. Никто не спросил: из чего извлечена эта вариация и почему аппарат остановился именно здесь.

Метод главы единообразен. Для каждого мыслителя выделяется: аппарат, которым он располагал; вариация, которую он извлёк; момент забывания - точка, в которой аппарат перестал отслеживать зазор между собой и Потокостью; и форма универсализации - способ, которым вариация была объявлена всеобщей. Затем - указание на то, что осталось за пределами Застыва: какие вариации аппарат мог бы извлечь, но не извлёк, потому что остановился.

Порядок изложения хронологический: от Платона к Чорану. Каждый следующий Застыв не отменяет предыдущий. Каждый принимает себя за конец пути.

2.2. Платон: Застыв на эйдосе

Платон располагался в точке, где аппарат философии только начинал отделяться от аппарата мифа. Миф извлекал из Потокости вариации в форме повествований: боги, герои, космогонии. Платон не отбросил миф. Он перенастроил аппарат: вместо повествования - понятие, вместо последовательности событий - иерархия сущностей. Результатом стала вариация эйдоса - вечной, неизменной, умопостигаемой формы, которая существует отдельно от вещей и придаёт вещам их определённую.

Извлечение было точным. Платон верно зафиксировал: то, что мы воспринимаем как вещь, не исчерпывается её чувственной данностью. Воспринимаемый стол - частный случай. Стол вообще - нечто иное. Он не находится в пространстве и времени. Он не изнашивается. Он не зависит от того, видит ли его кто-то. Платон извлёк вариацию, которую до него не извлекал никто с такой отчётливостью: вещь есть не только то, что явлено, но и то, что делает явленное возможным.

Забывание произошло в момент, когда Платон принял эйдос не как вариацию, извлечённую аппаратом абстракции, а как реальность более высокого порядка, чем чувственная. Зазор между аппаратом и Потокостью исчез. Платон перестал спрашивать: «Что ещё может быть извлечено из того же источника?» Он спросил: «Как устроен мир эйдосов?» - и начал описывать его внутреннюю структуру, иерархию, отношение к чувственному миру. Аппарат, извлёкший эйдос, был забыт. Остался эйдос - и он стал последней реальностью.

Универсализация оформилась в учении о пещере. Чувственный мир есть тени на стене. Умопостигаемый мир эйдосов есть источник света. Философ есть тот, кто вышел из пещеры и увидел подлинное. Это была универсализация высшего порядка: не просто «эйдосы существуют», а «только эйдосы существуют по-настоящему». Чувственное было объявлено вторичным, производным, ущербным. Вся последующая традиция - за редкими исключениями - приняла этот Застыв как точку отсчёта.

Что осталось за пределами Застыва? Вариация, при которой не эйдос первичен, а переход между эйдосом и вещью. Платон зафиксировал два полюса - мир форм и мир теней - и остановился. Он не рассмотрел возможность, что само различие на форму и тень есть продукт аппарата, что Потокость не знает этого различия, что возможен аппарат, извлекающий не иерархию, а спектр - непрерывный переход от того, что мы называем «формой», к тому, что мы называем «вещью». Такой аппарат появится только через две тысячи лет - в феноменологии Гуссерля и в работах его последователей. Но и они совершат свой Застыв.

Платон не ошибся в эйдосе. Он ошибся в статусе эйдоса. Он принял вариацию за источник. Он назвал светом то, что было бликом на линзе его собственного аппарата. Застыв на эйдосе стал первым и самым влиятельным Застывом в истории западной мысли. Вся последующая философия будет либо разрабатывать этот Застыв, либо бороться с ним - но почти никто не спросит, из чего он был извлечён.

2.3. Декарт: Застыв на *cogito*

Декарт настраивал аппарат в условиях, которые он сам же и создал. Методическое сомнение было процедурой очистки: отбросить всё, что может быть подвергнуто сомнению, и посмотреть, что останется. Аппарат Декарта был аппаратом радикальной редукции. Он не извлекал новые вариации. Он последовательно отключал все настройки, которые могли быть отключены - чувства, память, логику, математику, существование внешнего мира. В пределе этой процедуры аппарат обнаружил, что продолжает работать. Сам акт сомнения требовал сомневающегося. *Cogito ergo sum*.

Извлечение было парадоксальным. Декарт извлёк не содержание мысли, а сам факт мышления - мышление как деятельность, которая не может быть отменена, даже если её содержание полностью ложно. Это была вариация предельной достоверности: не «что мыслится», а «что мыслится». Декарт нащупал границу аппарата - точку, в которой аппарат уже не может извлекать вариации из Потокости, но ещё может извлекать вариацию из самого себя. *Cogito* есть вариация, извлечённая аппаратом из собственной работы.

Забывание произошло немедленно. Декарт принял *cogito* не как вариацию самосхватывания аппарата, а как доказательство существования мыслящей субстанции - *res cogitans*. Из «я мыслю» он вывел «я есмь вещь мыслящая». Это был скачок: от операции к сущности, от процесса к субстрату. Аппарат, который мыслит, был объявлен душой - бессмертной, нематериальной, автономной. Зазор между аппаратом и его продуктом схлопнулся. *Cogito* перестало быть операцией и стало основанием онтологии.

Универсализация оформилась в дуализме. Есть две субстанции - мыслящая и протяжённая. Всё, что не есть мышление, есть материя. Всё, что не есть материя, есть мышление. Третьего не дано. Декарт универсализировал не только *cogito*, но и сам принцип дихотомии - разделения на субъект и объект, внутреннее и внешнее, мысль и вещь. Этот Застыв определил всю новоевропейскую философию. Даже те, кто боролся с Декартом, принимали его систему координат. Спорили о том, как связаны субстанции, а не о том, из чего извлечена сама идея субстанции.

Что осталось за пределами Застыва? Вариация, при которой мышление не есть ни субстанция, ни деятельность субъекта, а есть одна из операций Потокости, временно принявшей форму аппарата. *Cogito* может быть не доказательством существования, а функцией - операцией, которая продолжается без оператора. «Я» в предложении «я мыслю» может быть не указанием на сущность, а грамматическим требованием языка, который не позволяет глаголу стоять без подлежащего. Декарт не рассмотрел эту возможность - не потому что был недостаточно проницателен, а потому что его аппарат был настроен на извлечение субстанций, а не процессов. Он принял грамматическую необходимость за метафизическую истину. Зазор между «я» как местоимением и «я» как реальностью остался незамеченным. Понадобится три столетия, чтобы этот зазор стал видимым - и ещё больше, чтобы он был осмыслен не как дефект языка, а как указание на Потокость, которая не знает ни субъектов, ни объектов, ни грамматик.

Застыв на *cogito* стал вторым великим Застывом западной мысли. Платон остановился на эйдосе - форме вне аппарата. Декарт остановился на *cogito* - операции внутри аппарата, принятой за сущность. Два Застыва задали полюса: мир идей и мир субъекта. Между ними разместилась вся последующая философия - не зная, что оба полюса суть вариации, извлечённые разными настройками из одной Потокости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.